

Величественные горные хребты вдоль дороги мало-помалу уступали место нежным пейзажам речного края, и когда экипаж наконец въехал в Город Крика Феникса, улицы уже расцветали первыми вечерними огнями.

Экипаж неспешно катился по оживлённым, бурлящим толпой дорогам. Гун Чэнь приподнял занавеску и с живым интересом принялся разглядывать прохожих.

— Почему почти все на улице в масках? — любопытствовал он.

— Обычай такой, — отозвался правящий лошадьми слуга. — Госпожа Дуань и для молодых господ маски припасла.

Услышав это, Гун Чэнь тут же принялся перебирать дорожные мешки и вскоре действительно извлёк на свет две бронзовые маски с холодным металлическим отливом.

При виде этих совершенно одинаковых вещиц юноша невольно улыбнулся — в душе шевельнулась тихая, тёплая благодарность. Как бы ни была госпожа Дуань пристрастна в своей материнской любви, она неизменно стремилась делить всё поровну, стараясь не обделять приёмного сына.

— К слову о масках, — припомнил Гун Чэнь. — В Ланьчэне ведь тоже есть похожий обычай. Юноши и девушки закалывают волосы нефритовыми шпильками, показывая, что их сердца уже заняты.

— Никакой это не обычай, — фыркнул сидевший напротив Дуань Цинь. Заметив, что маски ничем не отличаются, он лениво подцепил одну пальцем и закатил глаза. — Обыкновенная уловка торговцев из клана Цинь. Выдумали красивую сказку, чтобы побыстрее распродать свои шпильки и набить карманы.

— Молодой господин Цинь совершенно прав, — подал голос слуга. — А вот у нас в Городе Крика Феникса у масок куда более долгая история. Местные жители ценят время и не любят пустой болтовни. Надеть маску — это такой мягкий способ сказать: «Не трогайте меня, разговаривать я не настроен».

— Вот оно как. Но мне кажется, если беседуешь с кем-то, и собеседник вдруг прямо посреди разговора нацепляет маску... — Гун Чэнь повернулся к Дуань Циню. — Это ведь как-то слишком...

Дуань Цинь молча натянул бронзовую личину и уставился на него со всем доступным ему сарказмом.

—...слишком уж недвусмысленно, — кашлянул Гун Чэнь и снова отвернулся к окну.

Но стоило ему бросить случайный взгляд на проплывающую мимо толпу, как его зрачки мгновенно сузились, а дыхание перехватило. В пёстром людском потоке мелькнул до боли знакомый силуэт.

Желая получше разглядеть прохожего, Гун Чэнь едва ли не наполовину высунулся из окна летящего экипажа!

— Ты что творишь?! — перепугался Дуань Цинь. Он мёртвой хваткой вцепился в его ноги и заорал вознице: — Стой! Тормози!

— Тпру-у-у! — испуганно крикнул слуга, натягивая вожжи.

Кони взметнулись на дыбы. Прохожие так и застыли с разинутыми ртами, глядя на юношу, который едва не вывалился из окна кареты на ходу.

Гун Чэнь оказался куда сильнее, чем ожидал Дуань Цинь, — тому пришлось задействовать духовную силу, чтобы силой втащить безумца обратно в салон. Сорвав с себя маску, Дуань Цинь яростно уставился на названного брата:

— Да ты с ума сошёл?! Сейчас же...

Гун Чэнь медленно поднял голову.

Дуань Цинь осёкся. В этот миг тусклый уличный свет скользнул по лицу Гун Чэня, и в его глазах впервые промелькнуло нечто пугающее — тёмная, леденящая, почти звериная жестокость. словно на мгновение оскалился затаившийся хищник.

Но наваждение тут же растаяло.

— Молодые господа, с вами всё в порядке? — донёсся снаружи встревоженный голос слуги.

— Всё хорошо, поезжай дальше, — отозвался Гун Чэнь. Он бережно поднял оброненную маску Дуань Циня, стряхнул с неё пыль и протянул хозяину с самой обычной, мягкой улыбкой: — И спасибо. Ты меня выручил.

Дуань Цинь ошеломлённо замер, не понимая, почудилось ему или нет, и лишь спустя пару секунд забрал маску.

— Что ты там вообще разглядел?

— Старого знакомого, — ответил Гун Чэнь.

— Знакомого? — Дуань Цинь нахмурился ещё сильнее. — С каких это пор у тебя здесь знакомые? Ты ведь впервые в Городе Крика Феникса.

Гун Чэнь молча надел маску, скрывая за ней лукавый прищур.

— Не хочешь — не говори, — буркнул недовольный Дуань Цинь.

Гун Чэнь откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза, делая вид, что дремлет. Но глубоко в складках просторных рукавов его пальцы сжались в кулаки с такой силой, что побелели костяшки.

Ошибки быть не могло.

Это был Фан Сяньшань.

Его облик — хищный изгиб бровей, линия челюсти, походка, — Гун Чэнь бережно, по крупицам высекал в своей памяти долгие восемь лет. Он знал до мельчайшего штриха, кем этот человек был и кем должен стать.

Но восьми лет мало. Слишком мало.

Юноша медленно разжал пальцы и, вновь открыв глаза, уже совершенно спокойно созерцал суету за окном.

Пока его крылья не окрепли, Фан Сяньшань не может быть его врагом. Лишь «старым знакомым».

В отличие от Гун Чэня и Дуань Циня, которые неспешно тряслись в повозке, глава ордена Дуань прибыл в город на мече ещё три дня назад, чтобы повидаться со старыми друзьями. И лишь на следующее утро он повёл младшее поколение на торжественный пир в резиденцию Сюй.

У самых ворот усадьбы Сюй они столкнулись с главой клана Кэ и его единственным сыном. Встреча старых соратников была столь радостной, что старшие тут же позабыли обо всём на свете.

— Брат Дуань!

— О, брат Кэ!

— Сколько лет, сколько зим!

— Ха-ха-ха, идём же вместе, обсудим дела!

Пока отцы, оживлённо переговариваясь, шествовали впереди, они даже не догадывались, что их сыновья позади уже едва ли не вцеплялись друг другу в глотки.

— Какая досада, — процедил Дуань Цинь.

— Какое занудство, — не остался в долгу Кэ Суй.

Молодой господин Кэ ехидно прищурился:

— Послушайте, Дуань-гунцзы, вы так натянуты, словно аршин проглотили. Спина-то не болит?

Дуань Цинь расправил плечи ещё сильнее и смерил его ледяным взглядом:

— А ты весьма наблюдателен. Видать, раны на твоих глазах уже затянулись?

— И не сомневайся, — хмыкнул Кэ Суй. — Теперь я вижу куда лучше. Например, то жуткое создание, что сейчас пригрелось у тебя на спине.

Последние слова он произнёс загробным, зловещим шёпотом, уставившись Дуань Циню куда-то за плечо.

Стоило ему замолчать, как Дуань Цинь действительно почувствовал слабое прикосновение к лопаткам.

— А ну убрал руки! — огрызнулся он. — Думаешь, средь бела дня сможешь меня напугать своими дешёвыми трюками?

Кэ Суй демонстративно поднял раскрытые ладони:

— Мои руки вообще-то здесь. При чём тут я?

Не успел Дуань Цинь ответить, как по его спине снова кто-то мягко провёл. Волосы у него на затылке встали дыбом. Резко оборачиваясь, он рявкнул:

— Гун Чэнь, это твоих рук дело?!

Однако названный брат спокойно шёл по правую руку от него и лишь с искренним недоумением оглянулся назад:

— А я-то тут при чём?

— погоди, — вдруг посерьёзней Гун Чэнь. — Не двигайся.

Это короткое, брошенное ледяным тоном предупреждение заставило Дуань Циня оцепенеть. Лопатки обдало могильным холодом, а щекощущее ощущение на спине только усилилось.

Сглотнув, он медленно, дюйм за дюймом начал поворачивать голову, лепеча дрожащим голосом:

— Да чтоб вас... Неужели там и правда... правда...

Его взгляду предстала обыкновенная, свисающая с дерева гибкая ивовая ветвь.

— Ну вы у меня сейчас получите!

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — Кэ Суй согнулся пополам от хохота.

Напоследок Кэ Суй выудил откуда-то диковинный цветок и с ехидной ухмылкой протянул сопернику:

— На, понюхай хризантему, авось пыл поубавится.

— Отвяжись! — Дуань Цинь яростно отмахнулся, выбивая стебель из его пальцев. Цветок улетел далеко в сторону.

— Идиот! — взвыл Кэ Суй. — Это же «Киноварный иней» третьего ранга, я его своими руками выращивал! погоди... Кажется, ты в кого-то попал.

— Снова твои байки? — презрительно усмехнулся Дуань Цинь.

Но в этот момент со стороны усадебного сада донёсся гневный окрик:

— Кто посмел швыряться цветами?!

— Как вы смеете целиться в нашего молодого господина!

Голос явно принадлежал слугам семьи Сюй.

Гун Чэнь проследил за направлением звука и действительно заметил под раскидистым деревом стройную фигуру юноши. На его плече сиротливо покоился тот самый ярко-красный цветок.

Почувствовав на себе чужой взгляд, незнакомец слегка приподнял голову.

— Кажется, мы влипли, — тихо констатировал Гун Чэнь.

— На счёт «три», — с каменным лицом шепнул Кэ Суй.

— Три! — выкрикнул Дуань Цинь.

И прежде чем эхо угасло, эти двое, связанные годами совместных каверз и безупречным чутьём на неприятности, одновременно сорвались с места и дали стрекача.

Гун Чэнь остался стоять один, хлопая глазами:

—?

Не успел он даже выругаться, как его плотным кольцом обступили разгневанные слуги. Один из них, почтительно склонившись перед подошедшим хозяином, указал на Гун Чэня:

— Молодой господин, это он.

Гун Чэнь почувствовал, как чужой, леденящий взгляд буквально пригвоздил его к месту.

А затем за его спиной раздался ровный, прохладный голос:

— Повернись.

Странное дело — ни этот взгляд, ни эти слова не имели физического веса, но Гун Чэнь вдруг ощутил, как по позвоночнику поползла точно такая же противная дрожь, какая только что сковала Дуань Циня из-за дурацкой ветки. Ему до смерти не хотелось оборачиваться.

«Но он ведь благородный господин, верно? С такими всегда можно договориться, если говорить на языке разума. В конце концов, цветок притащил Кэ Суй, швырнул его Дуань Цинь. Какое отношение ко всему этому безобразию имеет он, Гун Чэнь?»

«Чего мне бояться?»

Стиснув зубы, Гун Чэнь решительно повернулся кругом.

— Послушайте, я всё объясню...

Перед ним стоял юноша в роскошных парчовых одеждах. Лицо его скрывала причудливая лазурно-алая маска рыси, закрывающая верхнюю половину лица, из-под которой виднелись бледные, почти прозрачные глаза и тонкие губы. Незнакомец безмолвно изучал его.

То ли виной тому был этот пугающий, диковинный облик, то ли холодная аура собеседника, но Гун Чэнь подавился собственными словами и осёкся.

— Ну так говорите же! Или даже извиниться духу не хватает? — прикрикнула на него служанка — совсем ещё юная девица, недовольно уперев руки в бока.

Гун Чэнь опомнился и торопливо заговорил:

— Прошу прощения! Я... дело в том, что этот цветок бросил не я, а мой кузен. Но я готов принести искренние извинения вместо него.

— Значит, цветок не твой? — Молодой господин Сюй медленно раскрыл ладонь. На его безупречно белой коже лежал «Киноварный иней» со все еще свежими, налитыми соком лепестками.

— Цветок и правда не мой, — замялся Гун Чэнь. — Но его долго и бережно выращивал мой близкий друг. Не считите за дерзость, но не могли бы вы вернуть его?

Служанка насмешливо фыркнула:

— Ох, как красиво поёте! И за брата извиняетесь, и за друга вещь выпрашиваете. Думаете, мы такие глупые и поверим вам на слово?

— Но я говорю чистую правду, — вздохнул Гун Чэнь.

— Тогда отчего же вы так залились краской?

Гун Чэнь в замешательстве опустил голову, чувствуя, как уши предательски горят. Вокруг посыпались негромкие смешки слуг.

Сам же молодой господин Сюй даже не улыбнулся. Он лишь смерил юношу долгим взглядом и тихо спросил:

— Ты знаешь, кто я такой?

Этого-то Гун Чэнь как раз и не знал. Набрав в грудь воздуха, он наугад выпалил первое, что пришло на ум:

— Я... я лишь наслышан, что молодой господин Сюй славится своей исключительной добротой...

— Добротой? — эхом отозвался тот.

Похоже, это слово показалось ему забавным. Уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке, а из-под маски вырвался негромкий, на удивление приятный смешок.

— Что ж, забирай, — проговорил он.

Гун Чэнь, мысленно поблагодарив всех богов, поспешно протянул к нему обе ладони ковшиком.

Однако молодой господин Сюй лишь слегка сжал пальцы, и в то же мгновение сочный бутон «Киноварного инея» превратился в багровую труху. Мелкая алая пудра, словно струйка песка в песочных часах, лениво посыпалась сквозь его пальцы напрямик в раскрытые ладони Гун Чэня.

В воздухе разлился тонкий, едва уловимый аромат.

— Ну как, — невозмутимо поинтересовался юноша. — Всё ещё добрый?

Гун Чэнь лишился дара речи.

Пока он, словно каменное изваяние, застыл на дорожке с кучкой растёртых в прах лепестков, виновники этого позора уже вовсю мутузили друг друга в дальнем углу сада.

— Какого чёрта ты крикнул «три» раньше времени?!

— А какого чёрта ты улепетывал быстрее ветра?!

— Почему ты бросил собственного брата?!

— А ты почему бросил лучшего друга?!

— Да это всё из-за твоего дурацкого цветка!

— Если бы ты не швырялся им во все стороны, ничего бы не случилось!

— Ну что, наорались? — раздался над их головами замогильный голос Гун Чэня.

Драчуны разом замерли и вытаращились на него:

— Ты уже вернулся?! Целым и невредимым?!

— Не может быть, — Кэ Суй подозрительно обошел Гун Чэня со всех сторон, едва ли не обнюхивая. — Сюй Цыань известен своим скверным нравом. Он тебя точно не покалечил? Внутренние органы на месте?

— Моё тело в порядке, чего не скажешь о пострадавшем, — Гун Чэнь со вздохом показал им ладони, испачканные в красной пыли. — Из этого ещё можно что-то сделать?

— Забудь, я его у дороги сорвал, цена ему грош в базарный день, — отмахнулся Кэ Суй и, набрав побольше воздуха, просто сдул остатки цветка с его ладоней.

Гун Чэнь онемел от такой беспардонности.

— Твою ж мать! Не дуй мне в лицо! — выругался Дуань Цинь, отплевываясь.

— Какая же это мать, это всего лишь цветочная пыльца, — беззаботно парировал Кэ Суй.

Гун Чэнь, не желая участвовать в этом балагане, молча отвернулся и принялся осматриваться.

— Эй, ты правда в порядке? — Кэ Суй с подозрением сощурился. — Он тебя не унизил?

— Да нет же, я просто думаю...

— Меньше думай, — хмыкнул Дуань Цинь. — Этот парень в десять лет сформировал золотое ядро, а ты в свои десять только-только начал путь совершенствования. Куда тебе с ним тягаться?

— Можно подумать, ты сам с ним сравнишься! — фыркнул Кэ Суй, после чего дружески похлопал Гун Чэня по плечу. — Рядом с ним мы все кажемся бездарностями, так что не бери в голову.

— Да я не о том, — устало потёр лоб Гун Чэнь. — Я пытаюсь понять, куда делись наши отцы.

Повисла тяжелая, неловкая тишина.

— Похоже, они опять где-то потерялись, — наконец выдавил Кэ Суй.

Он кашлянул и поспешно нацепил маску.

— Взрослые люди, а ведут себя как дети. Мне вообще дела нет до них, — проворчал Дуань Цинь и тоже скрыл лицо за бронзовой личиной.

Оба выглядели крайне виноватыми. Гун Чэнь наконец понял, почему эти двое, несмотря на вечные потасовки, умудрились оставаться неразлучными друзьями.

Бесстыдства им обоим было не занимать.

— Ладно, — вздохнул Гун Чэнь. — Будем считать, что это они потерялись. Но нам-то что делать?

Что тут сделаешь? Только дорогу спрашивать.

Сад вокруг утопал в цветущих персиках, абрикосах и плакучих ивах. Пейзаж был неописуемо прекрасен, да вот беда — ни единой живой души вокруг.

Поплутав по тропинкам, Гун Чэнь наконец заметил группу людей в одинаковых одеждах — единственных обитателей этой части сада.

— Добрый день, — пробормотал он, когда друзья бесцеремонно вытолкнули его вперёд. Набравшись смелости, он обратился к одному из слуг: — Будьте любезны, как нам пройти в Сад Весеннего Сияния?

— На восток!

— На запад!

— На север!

— На юг!

Четыре голоса прозвучали в унисон, и четыре пары глаз уставились на него в упор, не мигая.

Гун Чэню это показалось странным. Сделав шаг ближе, он с изумлением обнаружил, что глаза

слуг сделаны из цветной глазури и светятся мертвенным, неестественным блеском.

— Это куклы-двойники, — со знанием дела кивнул Кэ Суй. — Настоящие здесь только Сюй Цыань и та девчушка... Дуань Цинь, да слезь ты с меня, не позорься!

Дуань Цинь шумно выдохнул и поспешно сполз со спины друга:

— Тьфу ты, обычные куклы. А я уж решил, что призраков встретил.

— Молодой господин, почему же вы не спросите меня? — ласково пропела та самая служанка.

Гун Чэню ничего не оставалось, кроме как повторить свой вопрос ей.

— А вот туда, — кокетливо рассмеялась девица и указала изящным пальчиком прямо за спину, где в беседке восседал её господин.

Гун Чэнь лишился дара речи.

Молодой преемник клана Сюй сидел на каменной скамье под навесом, всё так же не снимая своей пёстрой маски рыси.

Подойдя ближе, Гун Чэнь заметил, что уголки губ юноши опущены. Тот явно пребывал в дурном расположении духа.

Гун Чэнь был далеко не глуп и прекрасно понимал: усадьба Сюй сейчас принимает гостей, и тишина этого уединённого сада не может быть настоящей.

«Это иллюзия».

Он тихо вздохнул:

— Молодой господин Сюй, мы ведь сейчас в мире иллюзий, верно? Мы признаём, что вели себя неподобающе. Что нам сделать, чтобы вы выпустили нас?

То ли ему показалось, то ли Сюй Цыань разозлился ещё сильнее.

После недолгого молчания молодой господин лениво повёл рукой в сторону тихого пруда у беседки и холодно бросил:

— Прыгайте туда.

— И если я прыгну, вы действительно нас отпустите?

Сюй Цыань прикрыл глаза:

— Посмотрим по настроению.

Гун Чэнь согласно кивнул и без лишних слов сиганул в воду.

— Идиот! Куда тебя понесло?! — взвыли Кэ Суй и Дуань Цинь и, осыпая его проклятиями, прыгнули следом.

Один за другим все трое исчезли в пучине.

Однако водная гладь не издала ни всплеска, на ней не появилось даже слабой ряби.

Вместо ледяной глубины они словно погрузились в мягкое море лепестков. Перед глазами закружился вихрь ослепительно-красного цвета, а когда они снова открыли глаза, вокруг вновь царил привычный шум праздничной усадьбы Сюй.

Гун Чэнь почувствовал, как его ладонь что-то сжимает. Опустив взгляд, он обомлел: в его руке лежал тот самый «Киноварный иней» — целый, невредимый и пугающе прекрасный.

— Кажется, до меня дошло! — осенило Кэ Суя.

— Этот цветок — ключ к иллюзорному пространству! — Кэ Суй возбужденно всплеснул руками.
— Сюй Цыаня просто затянуло туда в тот момент, когда в него прилетела эта хризантема.

— Надо же, как быстро он сумел сообразить, где выход, — недовольно проворчал Дуань Цинь, скрестив руки на груди.

И только Гун Чэнь растерянно замер, глядя на алый бутон в своей руке.

«Выходит... я зря посчитал его злодеем?»